

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Санкт-Петербургский филиал
Института востоковедения

ИСЛАМ

на территории
бывшей
Российской
империи

Энциклопедический
словарь

Выпуск 2

Москва
Издательская фирма «Восточная литература» РАН
1999

лы. Особенно ясно это видно на примере вызывающих споры заметок ал-К. к комментарию Са'д ад-дина ат-Тафтазани (ум. в 1390 г.) на изложение веры (ал-'Ака'ид ан-насафийа) матуридита 'Умара ан-Насафи (ум. в 1142 г.). Над этим сочинением ал-К. работал в Бухаре, а по возвращении на родину создал на его основе полный комментарий к ан-Насафи (Шарх джадид ли-л-'Ака'ид — КАР, А-1241). Большое место в этой работе занимает обсуждение божественных атрибутов (сифат Аллаха), восходящих к именам Аллаха в Коране. Ал-К. категорически отвергал спор о числе так называемых сущностных атрибутов (7 по аш'аритскому и 8 по матуридитскому учению), как и всяческие размышления по поводу того, являются ли эти атрибуты предвечными (ед.ч. *кадим*), как Аллаха, или созданными (ед.ч. *хадис*). По убеждению ал-К., подобные умозрительные построения проникли в исламское учение о вере из испорченной эллинской философии и противоречат концепции единства Бога (*ат-таухид*), которую ал-К. отстаивал как основополагающий принцип ислама и из-за которой его порой (несправедливо) обвиняли в принадлежности к школе му'тазитов.

В области мусульманского права (*ал-фиqh*) ал-К. отстаивал право на *иджтихад*, т.е. возможность самостоятельного изучения Корана и *сунны* при поиске решения правовых вопросов. В самой известной своей работе ал-Иршад ли-л-'ибад (Казань, 1904) ал-К. применял *иджтихад*, например, при решении вопроса, должны ли мусульмане, живущие в северных регионах, совершать ритуальную вечернюю молитву (*ал-'иша'*), если там летом не темнеет, т.е. ночь как таковая не наступает, что ханафитские ученые традиционно рассматривали как необходимую предпосылку этой молитвы. Ал-К. выступал за то, чтобы совершать ночную молитву и в светлые ночи, ибо обязанность мусульманина молиться пять раз в сутки, которая следует из *сунны* Пророка, важнее всех последующих размышлений правоведов о других предпосылках для совершения этой молитвы. За этими, на первый взгляд не принципиальными, спорами об *иджтихаде* стоял важный вопрос — принадлежит ли авторитет при решении правовых вопросов в мусульманских общинах безраздельно *муфтию* и им назначенным ученым, или каждый дееспособный мусульманин имеет право сам искать ответы, как этого требовал ал-К.

Ал-К. готовил комментированный перевод Корана на язык *турки* Волго-Уральского региона (издан под названием Хафт-и йак тафсири, Казань 1861, 1905). Эту работу продолжил его ученик Ну'ман б. Амир ал-Курсави (позже известный как ас-Самани; Коръан тафсири [Ногмани] татар теленда, Казань, 1991), но она также осталась незаконченной.

При жизни ал-К. не получил признания, и после его ранней смерти не осталось сформировавшейся школы. Во второй поло-

вине XIX в. критическое отношение ал-К. к исламским традициям права и догматики поддержал прежде всего казанский богослов Шихаб ад-дин ал-Марджани (1818–1889). Благодаря трудам ал-Марджани ал-К. был понят и признан многими видными сторонниками обновленческого движения (*усул-и джадид*) и положительно оценен как «реформатор ислама». В советское время ал-Марджани рассматривался как ведущий представитель татарского просветительского движения, а его предшественник — ал-К. — как «прогрессивный для своего времени» просветитель, притом что религиозно-научный характер его трудов обстоятельно не изучался.

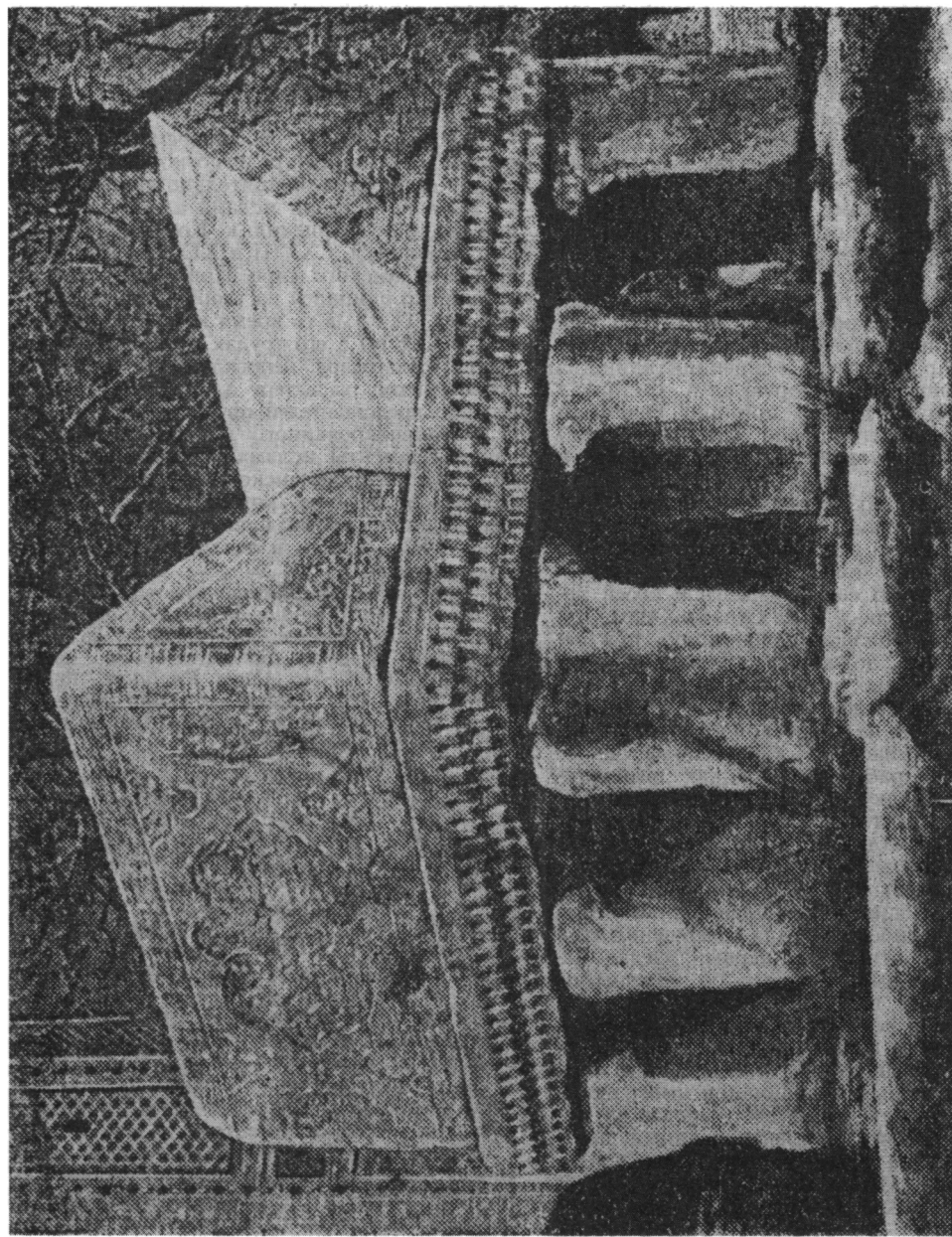
В плане истории ислама ал-К. представлял идеи возвращения к Корану и *сунне*, выдвигавшиеся в XVIII и XIX вв. во многих частях исламского мира. Примечательно, что он широко опирался на творчество ал-Газали (ум. в 1111 г.), в то время как Ибн Таймийа (ум. в 1328 г.) в его трудах вообще не упоминается. Благодаря непреклонной позиции и воинственному характеру ал-К. стал одним из ведущих представителей «фундаменталистского» (т.е. ориентированного на Коран и *сунну* как фундаменты ислама) крыла очень разнородного мусульманского течения в Волго-Уральском регионе, которое можно обозначить понятием *ислах* («возрождение») и которое в 80-е гг. XIX в. вылилось в движение *усул-и джадид*.

Лит-ра: ал-Марджани. Мустафад, 2, 168–175; Руда ад-дин б. Фахр ад-дин. Асар, 1/3, 95–130; Фатхиев. Описание, 24–26; Яхья Абдуллин. Татарская просветительская мысль. Казань, 1976, 57–71; Ahmet Kanlidere. Reform within Islam. The Taidid and Jadid Movement among the Kazan Tatars (1903–1917). Istanbul, 1997; Kemper. Sufis, 225–313.

М. К.

Паух (араб.-перс.) — 1) доска, доска, которой пользовались ученики начальных школ при обучении письму; 2) намогильная плита (каменная или мраморная) в мавзолеях и *мазарах*; 3) в Средней Азии Л. — складная подставка (деревянная или металлическая) для чтения книг. В сложенном виде она представляет собой плоскую доску размером 33×17 см, в раскрытом — маленький пюпитр, на который клали раскрытую книгу. Поверхность Л. покрывалась, как правило, расписным либо резным в виде растительных и геометрических узоров орнаментом.

Уникальная по своим размерам подставка для Корана хранится ныне во дворе мечети Биби-Хоним в Самарканде. Она находится на каменном постаменте, поддерживаемом девятью симметрично расположенными каменными столбиками высотой 60 см. Длина Л. — 2 м, ширина — 2,3 м, высота по углам — 75 см, в середине — 25 см. Подставка изготовлена из двух цельных кусков белого мрамора в виде трехгранных призм (одна из них позднее была разбита). Внеш-

Подставка для Корана (лаух). Мечеть Биби-Хоним, Самарканд

няя сторона Л. оформлена тончайшим плетением резного растительного орнамента, окаймленного полосой надписей. Текст гласит, что этот Л. был изготовлен по приказу «великого султана, милостивейшего хакана, покровителя веры, блюстителя ханафитского толка... Улутбека».

Еще в первой трети XVIII в. очевидцы свидетельствовали, что этот Л. с раскрытым Кораном на нем находился внутри мечети Биби-Хоним. По сведениям Н.Ханыкова (1841 г.), из образовавшегося отверстия на куполе мечети Биби-Хоним был виден Л., обращенный к высокому окну. По преданию, из этого окна Биби-Хоним читала Коран, написанный большими буквами и лежащий на Л.

До сих пор существует поверье, что прикосновение к Л. избавляет от любых болезней.

Лит-ра: Н.Ханыков. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843, 104; Рахимов. Обучение детей.

Д. А.

Маджиди (Мазитов), **Салахеддин** (1878–1956) — татарский педагог-просветитель и общественный деятель. Родился в деревне Азеево Рязанской губернии в семье сельского учителя. Дети рано лишились родителей (кроме М. С. в семье было еще пятеро дочерей) и были взяты на воспитание родственниками или друзьями семьи. Сам М. С. оказался на попечении близкого друга отца, купца второй гильдии Акбулатова, который вскоре переехал в Казань. К тому времени М. С. проучился несколько лет в местной *мадраса*.

В Казани он закончил гимназию и поступил в Имп. Казанский университет. После 3-го курса при финансовой поддержке опекуна М. С. продолжил свое обучение в Стамбуле, там он посещал занятия в течение двух лет, а затем полтора года жил в Каире, где в университете прослушал курс лекций по мусульманскому богословию, истории и праву и откуда совершил паломничество в Мекку. В 1900 г. умирает его опекун, и он срочно возвращается в Казань. Лишившись средств на продолжение образования, М. С. отправляется в Коканд с намерением открыть школу нового образца. Вскоре лицензия была получена, и в специально арендованном особняке, принадлежавшем Алимджан-хаджи, 7 июля 1900 г. школа открылась, ее директором стал М. С.

Среди негласных условий выдачи лицензии главным было обучение (если не только, то преимущественно) татарских детей. Лояльность царских властей по отношению к татарскому населению Туркистана определялась тем, что в основном европейски образованные татары, будучи мусульманами, легче преодолевали недоверие и убеждение местных жителей — узбеков, таджиков, казахов и др. — по отношению к европейской, главным образом русской, политике в Средней

Азии и русской культуре, носителями и пропагандистами которой они по существу являлись.

Однако уже в первый год было набрано 50 человек, из которых лишь треть составляли дети татар, остальные были узбеками и таджиками. Школа М. С. была типичной новометодной школой, в которой занятия велись по классно-урочному методу. Обучение проходило на узбекском языке. Как родной язык, так и арабский преподавались по алфавитно-звуковой системе. Почти для всех предметов использовались учебники уже существовавших к тому времени джадидистских школ, главным образом татарских авторов. Некоторые из учебных книг и пособий М. С. переводил на узбекский язык. Для печатания и размножения учебной литературы был выписан из Варшавы гектограф, приобретен необходимый школьный инвентарь, стала поступать выписанная М. С. газета Тарджуман, издававшаяся в Бахчисарае И.Гаспринским. Идея национального и культурного единства всех тюркских народов, пропагандировавшаяся на страницах этой газеты, была особенно близка М. С. Он также регулярно получал разнообразную учебную и периодическую литературу на татарском, арабском и персидском языках по богословию, истории, этике, арабской, персидской и турецкой литературе, географии, точным наукам.

Столь бурная деятельность нового *мударриса* не осталась незамеченной. Уже к концу учебного года к школе был проявлен повышенный интерес. С одной стороны, властям стало известно о нарушениях, связанных с непозволительно высоким процентом узбекских детей. С другой стороны, слухи об исключительных успехах учеников новой школы привели к сокращению числа состоятельных людей Коканда, желавших отдать своих детей в традиционные кадимистские школы, где обучение в течение 3–5 лет не давало таких результатов, какие показали ученики школы М. С. Особое внимание привлек к себе гектограф.

Буквально накануне итоговых экзаменов у первого выпуска из Ташкента за подписью генерал-губернатора А.Н.Куропаткина пришло распоряжение о закрытии школы. Большого труда стоило М. С. получить разрешение на проведение выпускных экзаменов. Накануне Науруза 1901 г. были проведены публичные экзамены в присутствии родителей и влиятельных лиц города. Ученики демонстрировали свои знания по чтению, арифметике, географии, истории, пророков, искусству рецитации Корана (*кира'ат*). Прошение о разрешении продолжать преподавательскую деятельность было направлено в г. Скобелев (Фергана) уездному начальству. На удивление скоро при помощи местного купечества был получен положительный ответ, арендовано здание для размещения школы, но не в центре города, а на окраине старого Коканда, т. е. в «туземной» его части. Выбор пал на дом *мирзы* Омар-